

своими прихожанами и тѣмъ довѣрчивымъ простымъ и искреннимъ отношеніямъ, безъ которыхъ невозможно бываетъ и надлежащее духовное пользованіе, могущее предохранить ихъ отъ всякаго еретическаго зараженія. Чтобы его духовное пользованіе пасомыхъ имѣло силу, ему необходимо быть „образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ (1 Тим. 4, 12) и во всемъ показывать въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ...“, чтобы противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худаго (Тит. 2, 7 и 8). („Рус. сельск. паст.“. № 28). *П. Петрушевскій.*

I.

Значеніе клятвы собора 1667 года.

Мнимые старообрядцы усиливается доказать, что будто клятва собора 1667 года изречена на двуперстіе и другіе обряды, употреблявшіеся до патр. Никона, и нынѣ употребляемые *единовѣрцами* и нѣкоторыми православными. Возражателямъ разъяснено, что какъ соборный актъ 1667 года, такъ и послѣдующая практика русской церкви не подтверждаютъ этого. Изъ соборнаго акта прямо выходитъ, что отцами собора клятва положена вовсе не на обряды тѣ, или другіе, а на такихъ людей, кои хулили церковь съ ея исправленными несвойственныхъ духовному званію, съ одной стороны — неряшества, а съ другой — щегольства и изысканности въ одеждѣ и во всемъ наружномъ видѣ, а также и въ домашней своей обстановкѣ, чтобы не подстригали волосъ на головѣ и бородѣ, не употребляли принадлежностей свѣтской одежды (веротничковъ, нарукавниковъ и т. п.) и вообще не соблазняли прихожанъ свойственными свѣтскимъ людямъ привычками, какъ-то: куреніемъ табака, игрою въ карты, хожденіемъ на охоту и т. под.; особенно же соблюдали установленныя церковію посты, не допуская до ихъ нарушенія и своихъ домашнихъ». И въ собр. архип. въ Казани было постановлено, — въ приходы, зараженные расколомъ назначать съ особенною осмотрительностію лицъ, благочестно живущихъ и не подверженныхъ слабостямъ, особенно соблазняющихъ раскольниковъ, какъ-то: пьянству, куренію и нюханію табаку (Постан. собр. архип. въ Казани II отд., 8 пр.).

обрядами и отдѣлялись отъ нея. Отцы собора ясно сказали, что они собрались по причинѣ явившихся хулителей церкви и новоисправленныхъ ея обрядовъ, кои глаголама церкви быти не церкви, архіерей не архіерей, священники не священники,—и чины, и таинства и послѣдованія церковныя осквернены ересьми многими и антихристовою скверною. Затѣмъ отцы собора, провѣривши новоисправленные чины и обряды, нашли, что они согласны съ подлинниками греческими и русскими: *испытахомъ подробно, чрезъ многое время, и ничто же стропотно, или развращенно—обрѣтохомъ*: почему отцы собора и опредѣлили: *новоисправленные чины и обряды, зане суть, правоисправлены, пріимати и по нихъ правити церковное все Божіе славословіе чинно и немятежно и единогласно.* Наконецъ, отцы собора хулителей церкви, съ ея новоисправленными чинами и обрядами, а такъ-же и всѣхъ послѣдователей ихъ хулы и непокорности, настоящихъ и будущихъ, предали анаемѣ,—*до толь, дондеже вразумятся* отъ хулы и непокорности и примирятся съ церковію, отъ коей отпали: *кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ*, сказали отцы собора, *и не покорится святой Восточной церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы такового противника проклятію предаемъ.* Очевидно, что соборъ изрекъ клятвы на хулителей, послушниковъ, непокорниковъ и противниковъ церкви, а не на обряды, не на двуперстіе и прочіе чины, содержимые самими противниками и другими. Изъ этого очевидно такъ-же и то, что отцы собора изрекли клятву не на тѣхъ людей, которые до собора, во время собора, и послѣ собора, употребляли и будутъ устремлять исправленные обряды, но употребляли ихъ безъ противленій церкви, безъ хулы на нее и на ея новоисправленные обряды, и которые не отдѣлялись отъ нея. Значить, клятва, какъ не касалась всѣхъ, употреблявшихъ неисправленные обряды, въ союзѣ съ церковію, до патр. Никона и до учрежденія единовѣрія, такъ не касается она и покорныхъ церкви единовѣрцевъ, съ ея благословенія употребляющихъ неисправленные обряды, равно не касается и право-

славныхъ, употребляющихъ, напимѣрь, двуперстіе единственно по привычкѣ. Такое значеніе клятвы собора подтвердилось и послѣ въ церковной практикѣ. Такъ, *п. Иоакимъ* бывшій членъ собора 1667 года, на вопросъ одного раскольника (въ 1668 г. 15 мая)—*зачѣмъ вы жжете насъ за крестное знаменіе и за молитву*, непринужденно и прямо отвѣчалъ, при царяхъ и войскѣ, готовомъ за *Государей и властей* положить головы, что—*мы не за крестъ и молитву жжемъ, а за то, что хулите церковь и не повинуетесь ей; а кто какъ хочетъ, такъ и крестится, двумя-ли персты, тремя-ли или всей дланіей, мы о томъ неистязуемъ*. И какъ патриархъ, сказалъ правду, то раскольникъ и не возразилъ ему ни однимъ словомъ. Тоже самое отвѣчалъ раскольникамъ и Нижегородскій митрополитъ Питиримъ, что мучать ихъ не за крестъ и молитву, а за ихъ непокорство. И хотя раскольники возразили митрополиту, что будто онъ сказалъ неправду, такъ какъ онъ посадилъ въ яму трехъ человекъ, коихъ и не выпускаетъ, несмотря на ихъ согласіе принять все, предлагаемое церковію, *только-бы уволили имъ крестъ и молитву по старому*; однако и Питиримъ такое возраженіе тоже опровергъ, какъ несправедливое: *не азъ посадихъ тамо ихъ, отвѣчалъ онъ, но присланные по Царскому указу, и нынѣ какъ съ ними Государь изволитъ*. И какъ митрополитовы слова были справедливы, то раскольники больше и не возражали ему о томъ. Въ то время, дѣйствительно гражданская власть, ревнуя по Господь Божь, и оберегаючи матеръ свою—церковь, считала необходимымъ судить противниковъ церкви гражданскимъ судомъ (Акт. историч. V том. № 75, стр. 111). Но раскольники скрывали свой расколъ и лицемерно присоединялись къ церкви. Почему и послѣ, во времена Св. Синода, архимандриту Антонію указано было не скоро довѣрять обращенію раскольниковъ, такъ какъ они, и по обращеніи изъ раскола, стали быть невяротными, почему—требовать отъ нихъ полного согласія на новоисправленные обряды, безъ всякихъ уступокъ и ограниченій (Полное собран. постан. III. 1, стран. 58). Впослѣдствіи времени, когда раскольники начали

познавать гибельное свое положеніе, безъ истинныхъ пастырей и таинствъ, тщетно пытались достать себѣ епископовъ, помимо церкви; тогда они, чрезъ умныхъ своихъ собратій, *Никодима, Герасима, Сергія* и другихъ, обратились съ смиренною просьбою къ первосвятителямъ русской церкви Гавріилу и Платону, принять ихъ въ лоно церкви, съ дозволеніемъ лишь употреблять неисправленные чины и обряды. И Св. Синодъ въ 1800 году благодушно и снисходительно принявъ ихъ *вразумившихся въ правду*, разрѣшилъ ихъ отъ клятвы собора и благословилъ имъ просимые чины и обряды. *И не давленіемъ свыше*, какъ неразумно говорятъ нѣкоторые радѣтели русскаго раскола (какъ наприм. Вл. Соловьевъ въ „Соврем. Извѣстіяхъ“), раскольники обратились къ единенію съ православною церковію, а сами они додумались до того, сами *вразумились*, особенно когда услышали голосъ правительства, милостиво призывавшій ихъ разными манифестами, и услыхали краткія увѣщанія пастырей отечественной церкви, а также увидѣли теплое участіе въ ихъ судьбѣ *графа Румянцева и князя Потемкина* (исторія митроп. Макарія Литов. періодъ V, стр. 111—114; расколъ обличаемый своей исторіей Муравьева).

II.

Значеніе клятвы Антиохійскаго патріарха Макарія, произнесенной въ 1655 году на двуперстниковъ.

Когда патріархъ Макарій узналъ, что Аввакумъ раздѣляетъ Св. Троицу, и лице Иисуса Христа, подобно Арію и Несторію, что Іоаннъ Нероновъ съ инокомъ Аврааміемъ и діакономъ Θεодоромъ, хулятъ троеперстіе, а двоеперстіе считаютъ догматомъ, и что всѣ они съ хулою отдѣляются стѣ церкви, соблазняя къ тому и другихъ православныхъ христіанъ: тогда онъ (Макарій), встрѣчая въ двуперстіи оныхъ зачинщиковъ раскола *ересь*, назвалъ двуперстіе *армянскою ересью*, по смыслу которой будто въ Иисусѣ Христѣ *два лица*: такъ какъ два перста, наклоняясь одинъ выше, а другой ниже,

раздѣлялись; къ тому-же—большой персть соединяясь, помимо оныхъ двухъ, съ двумя послѣдними перстами, выражалъ равенство лицъ Св. Троицы, по мудрованію Арія, и и Аввакума. Почему патр. Макарій на такихъ еретическихъ *двуперстниковъ* произнесъ клятву, съ тою цѣлю, чтобы предостеречь православныхъ христіанъ отъ Аввакумовой *двуперстной ереси*: „Аще кто изъ христіанъ православныхъ не творить знаменіе честнаго креста тремя персты, да будетъ проклятъ“. Но сія Макаріева клятва не касалась тѣхъ христіанъ, кои употребляли *двуперстіе* раньше этого времени, въ это время и послѣ этого времени, но употребляли безъ еретическаго Аввакумовскаго мудрованія о лицѣ Іисуса Христа и о лицахъ Св. Троицы, подобно тому, какъ и клятва соборовъ *Антіохійскаго* и *Лаодикійскаго* на раскольниковъ *четырнадцатниковъ*, не касалась тѣхъ христіанъ, которые раньше 1-го собора *Никейскаго* праздновали Пасху въ 14 число марта, вмѣстѣ съ евреями. Когда же на соборѣ 1667 года выяснилось, что мнимые старообрядцы не раздѣляютъ съ Аввакумомъ *двуперстной ереси*, хотя *двуперстіе* и считаютъ за догматъ, изъ котораго отдѣляются отъ церкви, тогда на соборѣ о *двуперстной ереси* уже разсуждали, какъ о прошедшемъ, и никакого пореченія на *двуперстіе* не сдѣлали, и допустили *пераздорникамъ* употреблять молитву Іисусову, и вообще неисправленные чины, а значить и *двуперстіе*: какъ *патр. Іоакимъ* и *митр. Питиримъ* дозволяли употреблять *двуперстіе* тѣмъ, кои-бы не хулили св. церковь и не отдѣлялись отъ нея, какъ и самъ патр. Никонъ дозволилъ Іоанну Неронову служить по неисправленнымъ книгамъ. Даже если-бы патр. Макарій и погрѣшилъ произнесеніемъ оной клятвы на *двуперстниковъ*, то онъ погрѣшилъ-бы только какъ частный человѣкъ, и церковь изъ за него неповинна и за то никто не винилъ ее. Вѣдь не винилъ-же церковь никто и не отдѣлялся отъ церкви, когда митр. Даніилъ погрѣшилъ, напрасно обвинивъ *Максима грека* въ ереси и подвергши его мученію; когда митр. *Іона* погрѣшилъ, напрасно-же обвинивъ архимандрита *Діонисія* и подвергши его мученію, и когда такъ-же патр. *Іоасафъ* погрѣ-

шилъ, напрасно назвавъ *чинъ священническаго* погребенія еретическимъ, и исключивъ его изъ потребниковъ. Такъ изъ-за одного Макарія обвинять всю церковь и отдѣляться отъ нея, есть не больше, какъ великій грѣхъ раскола, каковой грѣхъ и *мученическая кровъ*, по слову св. Златоуста, *не омытъ*. (Нравоуч. II къ Ефес. стр. 1692).

Посадъ Дубовка, протоіерей *Андрей Флегматовъ*.

Миссіонерская дѣятельность въ с. Верховимѣ, Петровскаго уѣзда за 1886 годъ.

Дѣятельность миссіонера с. Верховима священника Любарскаго сосредоточена въ селахъ: Верховимѣ, Сиподскомѣ, Чернавкѣ, Болхоньщинѣ, Назимкинѣ, Мачхасахъ и деревнѣ Колбинкѣ кожинскаго прихода. Расколъ появился въ селахъ Верховимѣ и Чернавкѣ, приблизительно, около 70-ти лѣтъ. Крестьяне этихъ селеній, когда еще были крѣпостными однихъ господъ, имѣли одинаковый промыселъ: сученіе и продажу восковыхъ свѣчей. Для продажи свѣчей они ходили по мѣстамъ, гдѣ болѣе жили раскольники, именно: на рѣку Иргизъ, въ Самарскую губернію, на Донъ къ казакамъ и тамъ научились расколу, который мало-по-малу и внесли въ свои села. Когда уже сталъ усиливаться въ этой мѣстности расколъ, хотя и тайно отъ своихъ помѣщиковъ, то въ селѣ Верховимѣ стало на сторону раскола, изъ житейскихъ расчетовъ, и само здѣшнее неученое духовенство, уроженцы этого села. Такъ, лѣтъ 40 тому назадъ, сынъ стараго священника о. Егора, о. Петръ Визгаловъ, явно сталъ потворствовать и покровительствовать расколу, за что и былъ удаленъ изъ сего прихода въ село Шемшешку, въ 17-ти верстахъ отъ с. Верховима. Тамъ онъ заразилъ мордву деревни Лингасъ и, во избѣжаніе суда надъ нимъ, Визгаловъ убѣждалъ къ раскольникамъ на Донъ и тамъ померъ. Послѣ крѣпостнаго права раскольники селъ Верховима и Чернавки явно заявили себя почти поголовно всѣ отступниками отъ церкви, къ чему много способствовала и тогдашняя полиція; вслѣдствіе чего въ селѣ